

ТАЙНЫ МОРСКИХ АВАРИЙ
И КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Владимир Шигин

КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

ГОРИЗОНТ
издательство

Москва 2015

Тайна морских аварий и кораблекрушений

Владимир Шигин

**Кораблекрушения
Балтийского флота**

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Кораблекрушения Балтийского флота / В. В. Шигин —
«Горизонт», 2015 — (Тайна морских аварий и кораблекрушений)

Несмотря на то, что Балтийское море, кажется нам изученным и обследованным, это не спасло моряков русского парусного флота от многих катастроф в его водах. Драма линейного корабля «Вячеслав» и трагедия фрегата «Поллюкс», жуткая тайна русского "Корабля мертвых" обнаруженного у берега Кронштадта, пожар линейного корабля "Фершампенуаз", и взрыв клипера "Пластун", ужас гибели моряков линейного корабля "Лефорт", их жен и детей. Об этих и других малоизвестных катастрофах Балтийского флота полутора вековой давности вы сможете узнать, прочитав книгу известного современного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина "Кораблекрушения Балтийского флота. Неизвестные катастрофы 18–19 веков" в серии «Тайна морских аварий и кораблекрушений»

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Виленович Шигин

Кораблекрушения Балтийского флота

Глава первая

Драма линейного корабля «Вячеслав»

В 1821 году в журнале «Отечественные записки» были напечатаны воспоминания адмирала и писателя, великого патриота земли Российской А. С. Шишкова, озаглавленные как «Разбитие военного корабля „Вячеслав“ у берегов Швеции в 1771 году». Помимо весьма интересного повествования о малоизвестном кораблекрушении XVIII века, перед нами, пожалуй, самое первое произведение отечественного писателя-мариниста, посвященное реальным событиям, участником которых был сам автор, в то время еще молодой мичман. В рассказе автора о выпавших на его долю злоключениях подкупает искренность и бесхитрость повествования. Шишков описывает события и участвовавших в них людей без всяких прикрас, позволяя нам окунуться в атмосферу корабельного быта русского флота Екатерининской эпохи, ощутить дыхание истории. А потому самым лучшим в данном случае будет предоставить слово самому автору.

«В начале 1771 года посланы мы были сухим путем под начальством кадетского капитана к городу Архангельску, с тем чтоб оттуда морем возвратиться на построенных там кораблях. Нас было с лишком 30 человек. Мы жили в прилежащей к городу слободе, называемой Соломбала, в обнесенных тыном казармах. По вскрытии Двины на спуске на воду трех кораблей расписали нас по кораблям. Я послан был на корабль „Вячеслав“.

Прежде, нежели приступлю к описанию путешествия нашего, надо читателю узнать свойства и нравы бывших на сем корабле офицеров.

Начальствовал над оным капитан 1-го ранга Н., был он человек довольно добрый, но властолюбивый, пылкий. Второй по нем, наш кадетский капитан, также человек весьма добрый, услужливый, усердный к службе и довольно неглупый, но перед старшими себя до крайности почтительный и робкий. Два лейтенанта, из коих М. – видный собою, искусный в деле своем и дружный с кадетским капитаном; лейтенант В. – человек простой; два мичмана, один констпель (артиллерийский офицер) и нас восемь человек гардемарин, да при солдатской команде капитан, человек дородный, толстый и грубый.

По нагружении кораблей мы отправились в поход иплыли по Белому морю с переменными и тихими ветрами. В один день, во время густого тумана, при бросании лота оказалось, что вдруг с глубины 25 сажен взошли на глубину 5 сажен. Устрашась сего обстоятельства, стали мы тотчас на якорь. Но как туман не прочищался и ветер сделался свежее, то, опасаясь стоять тут долее и обмерив на посланных шлюпках вокруг себя глубину, подняли якорь и пошли в ту сторону, где становилось глубже. Течение моря было с нами, и ветер дул нам попутный. Мы шли несколько часов и стали опять на якорь.

После полудня туман прочистился, и мы увидели, верстах в трех или четырех перед собою, крутой каменный берег. Сей грозный сосед принуждал нас удалиться от него поскорее. Но как довольно свежий ветер, дующий прямо в берег, и сильное туда же течение моря наводили нам страх, чтоб при медленности поднимания обыкновенным образом якоря не прижало нас к берегу, то рассуждали, чтоб вступить под паруса вдруг, то есть распустить и наполнить их, не поднимая якоря, и когда корабль возьмет движение, отрубить канат.

Однако капитан был на то не согласен: ему не хотелось лишиться якоря. Он спросил, нет ли на корабле кого-нибудь из архангельских рекрутов. Сыскали одного матроса. Спрашивают

его, хаживал ли он по Белому морю (архангельские жители почти все рыболовы). Он отвечал: „Хаживал“. – „Какой же это берег?“ – „Тот, который идет от Орлова Носа“. – „А где Орлов Нос?“ – „Остался назади, мы его прошли“. (Это сказание матроса не согласно было с нашим счислением, ибо мы на карте считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемого Орлов Нос). – „Можно ли нам сняться с якоря?“ – „Можно, – отвечает он, – берег приглуб, течение хотя и бросит нас к нему, но встречное от него течение понесет нас вдоль его“.

Капитан велел сниматься с якоря. Лейтенант М. представлял, что в подобных случаях не должно полагаться на слова матроса и лучше потерять один якорь, чем подвергать корабль опасности. Однако капитан велел немедленно сниматься. Опыт показал, что матрос говорил правду: лишь якорь отделился от дна моря, корабль, как стрела, полетел на каменный утес; мы до смерти перепугались; но чем ближе к берегу, тем быстрота его становилась все меньше, отражающееся от берега течение спиралось натекающим на оное и не допускало нас к нему приблизиться. Мы успели вывертеть якорь, убрать его, наполнить паруса и направить путь свой в море.

По выходе в океан и по долгом плавании, при противных ветрах зашли мы, чтоб запасть пресной водой, в пролив между лапландским берегом и островом Кильдюин (остров Кильдин. – В. Ш.). Мы нашли на нем несколько рыбацких хижин. Летом приезжают на него рыболовы и осенью уезжают назад. Они сказывали мне, что ходят для промысла в океан и удаляются верст на сто от берега. Видя худые суда их, я спросил, как могут они на таких судах так далеко ходить: „Ну, ежели застанет буря?“ – „Так что ж, – отвечали философы с холодностью, – кого застанет, тот утонет“.

Я видел тут еще семидесятилетнего старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, как себя запомнит, из Кильдюина никуда не отлучался. Летом месяца три проводит он с приезжающими рыбаками, а в остальное время года живет один. Разговаривая с ним, я спросил у него: „Как же зимою, когда пролив замерзает, не боишься ты забегающих сюда волков и медведей?“ – „Чего бояться, – отвечал он с уверенностью, – они меня уж знают и не тронут“.

Простояв дня три в Кильдюине, пошли мы опять в океан и продолжали путь свой. Сделались противные и крепкие ветры: мы долго с ними боролись и ничего не видали, кроме кувыркающихся китов, которые из воды выставляли хребты свои, наподобие черных холмов, и, фыркая, пускали из ноздрей высокие водометы. Мы забрались далеко к северу, так что солнце в самую полночь не заходило уже под горизонт.

После долгого времени ветры стали становиться попутнее, ночи длиннее и темнее. Мы перешли большое расстояние; миновали опасную пучину, называемую Малыштром. Я в свободные часы занимался рассматриванием разных явлений: иногда днем по целому часу смотрел в воду, которая была так прозрачна, что опустится в нее белый камушек – можно было видеть его несколько секунд, пока не погрузится он сажен на двадцать и более.

Иногда любовался плавающими в ней цветами, которые показывались из-под кормы наподобие пестрых распутившихся колпаков.

Прекрасный вид их, когда их поймаешь и вынешь из воды, тотчас исчезал и превращался в некую оседшую неприятную слизь.

Всего же более нравилось мне по ночам сидеть на носу корабля; вода имела некое лучезарное свойство, так что обмоченная в нее вещь казалась в темноте огненной. Валы, ударяя в нос и отражаясь от него, раздроблялись на бесчисленное множество брызг, светящихся подобно разноцветным искрам. Казалось, корабль, шествуя, сражается ежеминутно с нападающими на него исполинами, в гнев попирая их, сыплет от себя огонь и пламя.

В один день достали мы лотом дно морское; глубина была 70 сажен. Мы наехали в это время на необъятное количество сельдей.

Корабль наш несколько часов, почти при совершенной тишине ветра, плыл тихо, как бы посреди их, ибо от самого верха воды до такой глубины, до какой взор при чистоте и прозрач-

ности ее проникать мог, вся она наполнена была слоями сих рыб, и вокруг корабля, сколько зрением при ясной погоде можно было обнять, повсюду гладкая поверхность воды рябела от прикосновения их к оной.

Наконец, по долгом странствии и по претерпении многих бурь пришли мы уже в половине октября (21 сентября) в Копенгаген, где пробыв несколько дней, спешили отправиться в путь. Мы снялись с якоря около полдня и с крепким попутным ветром в весьма темную ночь стали приближаться к острову Борнхольм. В 8 часов вечера, по означению на карте пункта (т. е. места, в котором мы себя считали) и по определении от него курса (то есть пути, которым кораблю плыть надлежало), капитан, дав о том приказание вахтенному (на страже стоящему) лейтенанту, лег спать.

Настал 10-й час – время, в которое, по соображению скорости хода, должны были проходить между шведским берегом и островом Борнхольм. Ветер усилился. Ход корабля был чрезвычайно быстрый – по 20 верст в час. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотра на баке люди на вопрос, часто повторяемый: не видать ли земли, – отвечали всегда: „Ничего не видать“.

В сих обстоятельствах штурман берет карту, смотрит на нее и пожимает плечами. Вахтенный лейтенант подходит к нему и спрашивает: „Что ты посматриваешь на карту и пожимаешься?“ Он отвечает: „Остров этот меня крепко беспокоит; курс наш по карте, конечно, хорош, ведет мимо него, но кто может положиться на точность исчисления? Притом же мрачность погоды не позволила ясным рассмотрением берегов хорошенько проверить одного. Итак, если положить, что подлинное место наше в 8 часов было мористее, нежели как означенный нами на карте пункт показывает, то мы, идучи сим курсом, попадем на остров, а берега его так круты и приглубы, что при такой темноте и скорости хода не успеем мы его увидеть, как уже об него ударимся и, может быть, разобьемся в щепы“.

Сомнение это устрасило лейтенанта; он говорит: „Что ж нам делать? Не разбудить ли нам капитана?“ Штурман отвечает: „Капитан не поможет, потому что, полагая погрешностью счисляемого пункта в одну сторону, путь сей опасен, а полагая ее в другую, перемена одного опасна; итак, капитан, не больше нашего о верности пункта известный, будет точно в такой же нерешимости, как и мы“.

Разговор сей умножал час от часу более страх их, у которого, говорит пословица, глаза велики. Лейтенант несколько раз спрашивал:

„Не сказать ли капитану?“ Штурман отвечал всегда, что от того не произойдет никакой пользы. „Мое бы мнение, – продолжал он, – не сказывая ему, спуститься немного к шведским берегам и через полчаса взять опять тот путь, которым идем теперь. Таким образом, если б и была предполагаемая мною погрешность в счислении, то мы, не дав никому того приметить, поправили бы оную и миновали бы остров“.

Лейтенант, по некотором колебании, согласился на его предложение. Они переменяют путь, спускаются на два или три румба к шведскому берегу, чтоб уклониться от ужасающего воображение их острова.

Не прошло десяти минут, как люди, стоявшие на носу корабля, стали кричать: „Кажется, как будто земля чернеется?“ – „Где?“ – „В правой руке, перед носом“. – „Вот, – вскричал обрадованный штурман, – это Борнхольм! Хорошо, что мы от него отворотили, а то бы попали прямо на него“. В это самое время капитан выходит из каюты, ему говорят. „Борнхольм виден“. Он смотрит и говорит: „У меня глаза худые, я ничего не вижу“.

Через две или три минуты с носу корабля вдруг несколько голосов закричали: „Кругом видна земля!“ Эти слова, всех как громом поражают. Кадетский капитан и лейтенант М. выбегают снизу вверх. Последний из них, посмотрев на компас и видя, что корабль лежит не на том пути, как положено было держать, закричал: „Лево руля!“ Но едва он успел это произнести, как вдруг мы почувствовали такой удар, что едва могли устоять на ногах.

Корабль тотчас повернуло. Он стал боком против ветра. Паруса заполоскали. Ветер, надувая их более, начал сильно рвать и бить их о мачту. Под кораблем было три сажени воды. Он стоял уже дном своим на дне моря. Волны, подобные горам, то поднимали его кверху, то опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около 200 тысяч пудов весу, с такой силой ударялась о землю, что казалось, опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около 200 тысяч пудов весу, с такой силой ударялась о землю, что казалось, что все члены ее мгновенно расторгнутся и рассыплются: высота и тяжесть мачт с висящими на них реями и снастями при каждом ударе наклоняла ее час от часу ниже набок, так что напоследок верхние пушки стали доставать до воды и на палубе не можно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками.

Сначала людям велели идти на мачты, чтоб убрать и закрепить паруса; они в числе около ста человек, несмотря на трудность и угрожающую им великую опасность, полезли смело и в две или три минуты были уже там; но когда при повторении нескольких ударов капитан увидел, что мачты, сами по себе высокие и тяжелые, но еще более тяжестью людей вверху обремененные, повалят корабль набок, то велел тотчас рубить их. Время не позволяло обождать столько, чтоб дать людям сойти на низ. Мы удовольствовались только тем, что закричали им: „Мачты рубят!“ Минута гибели наступила (ибо с первым или со вторым наклоном корабля ожидали, что он повалится); надлежало ее предупредить; но как можно было в несколько секунд срубить три дерева, каждое охвата в два толщиною! В невозможности сего велели как можно скорее с наветренной стороны перерубить только по несколько талрепов (веревочные снасти, крепящие мачты. – В. Ш.) у вант каждой мачты.

Мачты, освобожденные уже от поддерживания веревками, не переносят более стремительности наклона, и все три в один миг с ужасным треском ломаются и падают в море. Из бывших на них людей ни один не погибает: все они с удивительным проворством успели по висячим веревкам спуститься вниз.

Облегченный от мачт корабль перестало валять с боку на бок, но продолжало приподнимать валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила нам осмотреть, где мы и на какую мель сели. В опасении, чтоб корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который мог его проломить, положили мы якорь. Вскоре руль выбило, многие наружные доски или пояса, называемые обшивкою, отодрало и в корабле показалась течь, так что наполняющуюся в него воду едва всеми помпами могли отливать.

Состояние наше после срубления мачт сделалось ужасное. Сильные удары потрясали все члены корабля. Каждый час угрожал гибелью.

Люди, приготовляясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные, для призвания помощи, ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения.

Посреди сей общей горести и плача всех бодрее, всех веселее был между нами констапель Н., человек молодой, статный собою и хороший мне приятель. Он с распущенными волосами бегал по кораблю и поминутно кричал: „Пали!“ Часто подходил ко мне, шутил, смеялся и, утешая меня, говорил: „Не бойся, я сделаю, что нас услышат и подадут нам помощь“.

Наконец, после ужасных часов бесконечной ночи рассветает день. Мы видим себя в двух или менее верстах подле шведского берега.

Мнимый остров Борнхольм был мыс сего берега. Погрешность в счислении действительно оказалась, но только с той еще ошибкою, что штурман полагал настоящее место корабля далее от берегов, нежели счисляемый на карте пункт, а оно, напротив того, было ближе, а потому для избежания опасности надлежало бы не от Борнхольма к ним, но от них к Борнхольму придержаться, то есть сделать противное тому, что мы, по несчастью, сделали.

Настало утро. Мы узнали место пребывания своего, но положение наше нисколько не стало лучше. Ветер дул тот же и столь же крепкий. Сила ударов не уменьшалась. Корабль наш приходил в худшее состояние, и сокрушение оного становилось через несколько часов неминуемым. Внутри оного царствовали смятение и страх. Капитан заперся в каюте и не выходил из нее. Лейтенант В. был почти в иступлении ума. Он лежал в постели своей и беспрестанно повторял: „Я виноват. Я погубил“.

Оставались действующими лицами кадетский капитан и лейтенант М., которые оба, а особенно первый из них, сохранили в себе отличное присутствие духа и не переставали обо всем печиться. Капитан созвал к себе офицеров, урядников и несколько человек из старших матросов для совета (консилиума), на котором положено было следующее: „Как нет никакой надежды к спасению корабля (ибо он при столь сильных ударах через несколько часов должен сокрушиться), то остается только помышлять о спасении людей; для сего приступить немедленно к выпусканию каната, дабы сила ветра могла беспрепятственно двигать корабль ближе к берегу. Но как, вероятно, глубина станет по мере этого уменьшаться и корабль остановится, в таком случае стараться всеми средствами облегчать его, а именно сталкивать и выбрасывать пушки и все большие тяжести в воду, рубить помосты, пояса, доски, связывая их веревками вместе, дабы в то время, когда корабль погибать начнет, люди на сих плотках могли спастись“.

Тотчас приступают к исполнению того, что положено на совете. Сперва хотят столкнуть за борт несколько пушек, но лейтенант М. возражает против сего, представляя опасность, что корабль о самые свои пушки, когда они упадут подле него на дно моря, может быть проломлен. И так отступают от сего намерения и велят только выпускать канат. Корабль, не удерживаемый более якорем и после всякого удара подьемлемый волной, сходит с места своего и силою ветра двигается к земле. Едва перешел он 40 или 50 сажен, как меряющий на корме глубину подштурман закричал: „Воды под кораблем три с половиной сажени!“ Слова сии произвели неопишемую радость.

„Полсажени прибавилось!“ – повторяли все. Вскоре потом закричал он опять: „Четыре с половиной сажени!“ Каждое восклицание было как бы некий благодатный глас, отсрочивающий нашу гибель. Все закричали тотчас: „Положить якорь! Положить якорь!“

Действительно, якорь в ту же минуту был брошен и корабль, став на вольной воде, перестал ударяться о землю. Восторг наш в первые минуты был чрезвычайный: мы обнимались, целовались, плакали от радости, поздравляли друг друга, – но вскоре оный весьма уменьшился.

Размышление, что мы без мачт, без руля, что корабль наш течет, что, вероятно, глубина эта есть небольшая окруженная мелью яма, из которой нам нельзя будет выйти, что, может быть, якорь нас не удержит или что ветер, сделавшись с другой стороны, поворотит корабль и кинет опять на ту мель, с которой он сошел, – все сии размышления снова погрузили нас в уныние, и наступающая ночь казалась нам столь же страшной, как и прошедшая.

Между тем мы с великим трудом успели спустить шлюпку, с тем чтоб отправить ее на берег для требования помощи. На ней посылался констапель и при нем два человека солдат с унтер-офицером. Я в это время был внизу корабля, в моей каюте. Констапель прибегает ко мне и с восхищением говорит. „Знаешь ли что? Меня посылают на берег. Поедем со мною: здесь опасно оставаться, а там мы будем спокойны. Хочешь ли, я скажу капитану, что ты мне надобен?“

Я согласился, и мы пошли вместе, но лишь приходим мы к дверям каюты, как вдруг, не знаю отчего, родившийся во мне страх переменяет во мне мысли. Я останавливаю констапеля и усиленно прошу его: „Ради бога, не говори обо мне капитану: я не хочу ехать“. Он удивляется, спрашивает меня: „Что с тобою сделалось?“ Просит, убеждает, говорит. „Эй, ты будешь жалеть о том, да уж поздно. Через пять минут мы будем на берегу“. Но все слова его были тщетны, я стоял упорно в моем намерении и просил его убедительно не упоминать имени моего перед капитаном.

Он вошел в каюту и, получив приказание, вышел оттуда, чтоб сесть в шлюпку, которая стояла уже у борта совсем готовой. Мы заметили в нем великую перемену, он был смутен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на пристани мы заметили в нем великую перемену, он был смутен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на шлюпку сказал он: „Прощайте, братцы! Я первый еду на смерть!“

Шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицей по морю, ныряет между валами; мы провожаем ее глазами и, наконец, видим, что, подходя к берегу, она опрокидывается. Тут я бросился в свою каюту, затворился в ней. Потом лег в постель. Печальное воображение о приятеле моем, несчастном констапеле, долго меня тревожило, пока напоследок усталость и проведенные в страхе и беспокойстве ночь и утро погрузили меня в крепкий сон.

Но сон мой недолго продолжался; вдруг будят меня с торопливостью и говорят. „Капитан спрашивает, скорее“. Я, испугавшись и спросонку, вскочил и бегу, как был, в тулупе. Вижу, что уже смеркалось; нахожу на борте людей, смотревших на лодку с двумя человеками, державшуюся в некотором отдалении от корабля. Капитан приказывает мне расспросить у них, откуда они и кто их прислал. (Надобно знать, что на всем корабле не было никого, включая констапеля и меня, кто бы на каком-либо другом языке, кроме русского, умел говорить.) Я спрашиваю, они худым немецким языком отвечают, что послал их некто господин Салдерн из города Истад для проведения о нашем корабле.

Капитан велел их звать на корабль, однако они на то не согласились, отзываясь, что по причине ночи и крепчающего ветра не могут долее оставаться; в самом же деле казалось, что они, считая нас в крайности, опасались, чтоб мы не завладели их лодкой. Насилу, по великой просьбе и убеждениям, чтоб взяли от нас с собою человека, пристали они, и то не к борту, а к висячей с кормы веревочной лестнице, и притом требуя, чтоб посылаемый ту же минуту сошел, или они отвалят и уедут. Капитан, оборотясь ко мне, приказывает, чтоб я тотчас по сей лестнице спустился к ним в лодку и ехал с ними.

Это неожиданное приказание и скорость времени, с какой надлежало оное исполнить, так меня поразили, что я, как бы обезумленный, не знал, что со мною делается, и не прежде опомнился, как уже в некотором расстоянии от корабля. Обезображенный вид одного и горящие на нем огни привели мне на память, что я уже не на нем больше, не с товарищами вместе, но один, на малой лодке посреди бурного моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.